

После возгласов «Да здравствует император!» государь, сияя от радости, дождался, пока все поднимутся, и с чувством произнёс:

— Когда предыдущий Наставник отошёл в мир иной, я был ещё младенцем, лепечущим первые слова. Прошло более тридцати лет, я уже думал, что в этой жизни мне не суждено увидеть нового Наставника. Но Небеса смилостивились и всё-таки ниспослали новой эпохе Наставника для нашей Великой Юй. Фулай, передай мой указ: объявить всенародное празднество в честь прибытия Наставника. Также объявить всеобщую амнистию и отменить поземельный налог по всей стране на три года.

— Благодарим Ваше Величество за милость! — С шорохом все в покое снова опустились на колени. Евнух Фу, переполненный волнением, выбежал исполнять приказ. Менее чем за полчаса императорский указ уже был вывешен на всеобщее обозрение.

В Столице, где новости распространялись быстрее всего, мгновенно воцарилось ликование. У стенда с объявлениями собралась плотная толпа.

— Господин чиновник, правда ли то, что написано в указе? Господин Наставник и вправду прибыл? У нашей Великой Юй снова есть Наставник?

— Разве императорское слово может быть ложным? Не мудрено, что простолюдины сомневаются. Когда я, ваш покорный слуга, услышал эту весть, тоже не поверил. Но раз уж вышел императорский указ — какой тут может быть обман?

— Небеса смилостивились, позволив этому старцу ещё при жизни вновь услышать весть о прибытии Наставника! Да хранит Небо нашу Великую Юй!

— Дедушка, не плачьте, все же смотрят...

— Интересно, как выглядит нынешний Наставник? Наверняка красота неопишная.

— А может, он, как и предыдущий Наставник, статен и величав. В общем, каким бы ни был облик Господина Наставника, в моём сердце он — самый прекрасный.

Пока толпа шумела и переговаривалась, к стенду приблизился отряд стражников с ещё одним указом.

Люди вокруг автоматически расступились, давая страже пройти. Начальник стражи с торжественным видом развернул в руках свиток, окинул взглядом присутствующих и громко объявил:

— По высочайшему устному повелению! Дабы явить народу добродетель Наставника, отныне ежедневно будут вывешиваться изображения, запечатлевшие повседневную жизнь Наставника, для всеобщего благоговейного созерцания. К ним будут прилагаться описания забавных случаев из жизни, дабы разделить радость с народом и показать близость Наставника к простым людям.

— У-у-ух! — Все присутствующие, и стар и млад, засверкали глазами от восторга. Ежедневные «зарисовки из жизни» Наставника! Как же здорово!

Под одобрительный гул толпы начальник стражи с серьёзным выражением лица водрузил на стенд новый указ.

Там была изображена тщательно выписанная картина. На ней — роскошная большая кровать, а на ней, свернувшись калачиком, лежал котёнок. Мастерство художника было изумительным: каждый волосок на шёрстке котёнка был выписан отдельно, словно это была фотография высочайшей чёткости.

Шёрстка на лапках и животе котёнка была белоснежной и пушистой, а уши, хвост и участок на мордочке в форме перевёрнутой буквы V — цвета тюленьего меха. Правда, уши и хвост были темнее, а мордочка и спинка — светлее, скорее кремового оттенка.

Маска на мордочке была очень выразительной: будто кто-то наложил перевёрнутую галочку прямо посередине глаз. Всё за пределами этой галочки, включая внешние уголки глаз и макушку, было цвета тюленьего меха. А внутри галочки, включая межбровье, внутренние уголки глаз и ротик, — белоснежным.

Выражение мордочки котёнка было наивным и чистым. Глазки — васильково-голубые, зрачки — чёрные и блестящие, словно два чистых родника. Носик и ротик — нежно-розовые, невероятно милые. Даже подушечки на лапках были розовенькими.

Внизу была подпись, гласившая, что это — первое пробуждение Господина Наставника. Далее следовали пышные, цветистые описания степени красоты и уровня милоты Наставника, от которых у простого народа просто дух захватывало.

— Так вот он какой, Наставник... Ох, какой же милашка! Так бы и прижал!

— Наглец! Разве можно так запросто обнимать Наставника? Это право — лишь для избранных, и то с личного разрешения Господина Наставника!

— Верно, верно, сболтнул сдуру...

— Мне кажется, нынешний Наставник ещё прекраснее прежнего. У прошлого Наставника шерсть была короткой, а у этого — длинная, просто загляденье!

— Малыш, что ты понимаешь! Прежний Наставник был величавым и могущественным, а у этого — совсем другой стиль.

— А я вот хочу знать: будет ли Наставник набирать слуг для уборки? Если будет — я первый запишусь! Я убираю быстро и чисто, Наставник точно останется доволен!

— Да брось ты! Место слуги при Наставнике — разве для таких, как мы? Дворцовые евнухи и мамки, наверное, уже дерутся за эту должность.

После этих слов будто холодный ветерок пролетел над толпой. Все вдруг ощутили лёгкую грусть. Похоже, в этой жизни им так и не выпадет счастья служить Наставнику, убирая за ним...

Во дворце император Цинлун тоже ломал голову над тем, как же выбрать слугу для уборки за Наставником.

Перед ним стояли на коленях несколько рядов людей. Все смотрели на него взглядами, полными горячего ожидания и предельной искренности, будто говоря: «Если выберете не меня — я сейчас же расплачусь!»

У императора Цинлуна разболелась голова. Он повернулся к стоявшему рядом евнуху Фу:

— Фулай, посоветуй кого-нибудь. Нужен человек с хорошим характером, приятной внешностью, аккуратный и внимательный.

Евнух Фу, согнувшись в поклоне, ответил:

— Ваше Величество, у вашего слуги действительно есть один кандидат. Осмелюсь предложить его на ваше рассмотрение. Это мой приёмный сын, Ванцай. С малых лет он отличался внимательностью, характер — честный и прямой, в делах — тоже сообразительный. Как вы полагаете?

— Твой приёмный сын? — Император Цинлун с усмешкой бросил на него взгляд. — Не проливаешь воду мимо своего огорода, я смотрю.

Евнух Фу, не моргнув глазом, улыбнулся:

— Ваше Величество, вы же знаете, ваш слуга всегда рекомендует достойных, невзирая на родственные связи. Вы...

— Ладно, ладно, — император махнул рукой, прерывая его. — Позови своего сынка, пусть я на него взгляну. Если подойдёт — пусть служит при Наставнике.

— Слушаюсь! — Евнух Фу ответил с неподдельной радостью и вскоре привёл из толпы молодого евнуха.

Того евнуха, что звался Ванцай, было лет шестнадцать-семнадцать. Лицо — интеллигентное, светлое, телосложение — худощавое. Во взгляде сквозила живость ума, но движения и речь были спокойными и уверенными. Представ перед императором и отвечая на приветствие, он вёл себя естественно и достойно. Император Цинлун, взглянув на него, внутренне уже остался доволен.

— Подними голову, — сказал император. — Я задам тебе несколько вопросов. — Он внимательно посмотрел на молодого евнуха, выдержал паузу и спросил:

— В каком дворце ты служил раньше?

— Докладываю Вашему Величеству, ваш слуга прежде служил во Дворце Чансинь у Второго принца.

— А, — император кивнул, — так ты из людей Ци Яня. И ты готов оставить такое хорошее место, чтобы служить в Чертоге Юннин при Наставнике?

— Докладываю Вашему Величеству, ваш слуга во Дворце Чансинь лишь подметал дворы. Лица Второго принца мне видеть не доводилось, так что назваться «человеком Второго принца» язык не повернётся. А возможность служить Господину Наставнику — это такая удача, что и за несколько жизней не заслужить.

— Язык у тебя подвешен не хуже, чем у твоего названного отца, — император Цинлун с ухмылкой указал на молодого евнуха. — Ладно, пусть будет ты. Отныне служи при Наставнике, и служи от всего сердца.

Ванцай остолбенел от неожиданной радости. Лишь после того, как евнух Фу незаметно подтолкнул его, он очнулся и принялся кланяться, благодаря за милость.

Евнухи, стоявшие сзади несколькими рядами, тут же воспылали жгучей завистью. В их сердцах маленькие человечки размахивали платочками и рыдали, обливаясь слезами. Они тоже мечтали стать личным слугой Господина Наставника, вблизи созерцать его красоту, а может, даже прикоснуться к его мягким лапкам! Увы, у них не было приёмного отца — главного евнуха, так что оставалось лишь смириться с поражением.

Судьба несправедлива!

Решив вопрос со слугой для Наставника, император Цинлун в прекрасном настроении отправился со свитой в Чертог Юннин.

Все Наставники Великой Юй проживали в Чертоге Юннин, занимавшем самый благоприятный с точки зрения фэншуй юго-восточный угол всего Императорского дворца. Беседки, павильоны, террасы в чертоге — всё было изысканно и прекрасно. Искусственные горки, извилистые ручьи — всё было устроено в соответствии с кошачьей природой.

Самым примечательным сооружением в чертоге была девятиярусная восьмигранная пагода, окружённая строгой охраной. Говорили, что на самом верхнем ярусе хранится судьба всей династии, и взойти туда позволялось лишь Наставнику и избранным членам императорской семьи. Место было священным.

Когда император Цинлун с приближёнными прибыл, Пэй Мяо как раз лежал на своей роскошной кровати и размышлял о своей кошачьей жизни.

В этом мире он уже третий день. Трёх дней хватило, чтобы понять: это не сон. Он угодил в общий поток переселенцев и прямо-таки влетел в этот вымышленный мир.

Что касается этого мира... благодаря пояснениям одного старого придворного наставника он кое-что уяснил.

Династия, в которую он попал, называлась Великая Юй. Она существовала уже более шестисот лет. Все прошлые императоры правили усердно и добросовестно, поэтому государство процветало, соседние страны являлись с данью, в Поднебесной царили мир и порядок, армия была сильна, а кони — сыты.

В отличие от древних времён, известных Пэй Мяо, в Великой Юй не занимались суевериями, зато до безумия почитали Государственного Наставника.

Все Наставники в разные эпохи были котами. Но не любая кошка могла стать Наставником. Лишь избранная Небесами в подходящее время и в подходящем месте кошка могла стать Наставником Великой Юй.

Поскольку условия были строгими, а возможность — редкой, Наставник пользовался во всей империи высочайшим почётом и славой.

<http://bllate.org/book/16288/1467690>